

Памяти Николая Николаевича Неплюева.

21-го января настоящего года, въ своемъ имѣннн „Воздвиженскъ“, скончался на 58-мъ году жизни основатель и пожизненный блюститель перваго въ Россіи Кресто-Воздвиженскаго Трудового Братства Николай Николаевичъ Неплюевъ.

Въ лицѣ усопшаго русская церковь и даже болѣе того—весь современный христіанскій міръ—потеряли выдающагося дѣятеля и религіознаго мыслителя. Умеръ человекъ, половина жизни котораго была отдана дѣлу созиданія Трудового Братства на лонѣ русской православной церкви, того Братства, которое, по завѣтной мысли почившаго, должно было явиться опытомъ возстановленія въ жизни церкви первой христіанской общины, основанной на началѣ братскаго раздѣленія труда и братскаго же общенія во всемъ. Навѣки замкнуло искреннее, честное слово христіанскаго мыслителя, въ теченіе десятковъ лѣтъ призывавшее христіанъ всего міра сплотиться на дружную работу въ дѣлѣ созиданія Божьяго Царства, оставить взаимную вражду и раздоры, понять весь ужасъ современнаго уклада жизни культурнаго человечества, забывшаго, а частью и изврагившаго завѣты Христа, и начать жизнь на устояхъ любви христіанской и взаимнаго служенія.

Еще не наступило время, когда можно было бы представить цѣльный объективный обзоръ жизни и дѣятельности усопшаго Николая Николаевича. Пока живѣе всего чувствуется

тяжесть утраты человека такихъ дарованій, такого сильного характера и такой рѣдкой христіанской настроенности. Невольно рождается въ сердцѣ тревожная дума: что будетъ съ любимымъ дѣтищемъ покойнаго—съ братствомъ, явится ли оно дѣйствительно тѣмъ оазисомъ среди житейской пустыни, который долженъ постепенно привлечь къ себѣ всѣхъ людей доброй воли для объединенія на борьбу со зломъ и на созиданіе добра въ жизни; или же, со смертью Николая Николаевича, само братство окажется похороненнымъ въ безднѣ людской немощи и злобы. Хочется вѣрить, какъ глубоко вѣрилъ въ это самъ усопшій, что дѣло Трудового Братства является дѣломъ истинно Божиимъ, которое въ силу этого не должно заглухнуть, но принести плодъ многой. Хочется вѣрить въ это, какъ вѣрить и въ то, что все написанное покойнымъ Николаемъ Николаевичемъ, этотъ горячій, сильный призывъ къ лучшей жизни, не останется только мертвой буквой, не явится голосомъ прочувствующаго въ пустынѣ, но что на искреннее слово всегда найдется и искренній откликъ, и силою своего убѣжденія это слово будетъ еще долго, долго будить христіанскую мысль и христіанскую совѣсть.

Настоящая статья имѣетъ единственную цѣль: пробудить въ читателѣ интересъ къ личности и сочиненіямъ усопшаго и вызвать желаніе лично познакомиться съ послѣдними. И можно быть совершенно увѣреннымъ, что это знакомство создастъ въ душѣ читателя такое настроеніе въ отношеніи свѣтлой личности покойнаго Н. Н. Неплюева, создать которое бессильны всѣ наши похвалы и прославленія. Поэтому ограничимъ нашу задачу краткимъ сообщеніемъ о жизни и дѣятельности усопшаго и изложеніемъ основъ его міросозерцанія.

Николай Николаевичъ Неплюевъ родился въ 1851 году и происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Самъ усопшій очень дорожилъ воспоминаніями о своихъ предкахъ, съ любовью изучалъ ихъ генеалогію и вообще высоко смотрѣлъ

на русское дворянство и на его историческое призваніе¹⁾. Отецъ Николая Николаевича былъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ Черниговской губерніи и, повидимому, не имѣлъ большого вліянія на воспитаніе сына, какъ и впоследствии ихъ воззрѣнія сильно расходились²⁾. Истинная атмосфера, въ которой возрастала личность Николая Николаевича въ первые годы его жизни, была любовь матери его Александры Николаевны, доселѣ здравствующей, и няни. Только эта любовь, по воспоминаніямъ покойнаго, давала ему „свѣтъ и тепло“, а все остальное только терзало его холодомъ равнодушія и озлобленія³⁾. Насколько можно судить по воспоминаніямъ самого Николая Николаевича, онъ былъ ребенкомъ исключительной нравственной чуткости и мистической религіозности. Покойный въ своихъ сочиненіяхъ часто обращается къ своему дѣтству и молодости, и мы позволимъ себѣ передать его словами эти воспоминанія. „Съ ранняго дѣтства я носилъ глубоко въ сердцѣ религію любви и былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ фанатикомъ любви. Тамъ, гдѣ я не чувствовалъ любви, я буквально болѣлъ отъ скуки, буквально замерзалъ отъ духовной стужи. Въ этомъ отношеніи я былъ болѣзненно чутокъ. Не только присутствіе человѣка грубо—недоброжелательнаго, но даже присутствіе человѣка

¹⁾ Напр. г 4-ый его сочиненій «Историческій очеркъ», стр. 249; т 3-ий «Историческое призваніе русскаго помѣщика» и мн. др. Эгого «аристократизмъ» Николая Николаевича вызывали злобныя насмѣшки его недоброжелателей (напр. автора брошюры «Въ культурномъ скиту»); эта же черта характера усопшаго представлялась нѣсколько загадочной и пишущему настоящія строки, который ботѣ удивлялся тому, что изъ среды родовитаго русскаго дворянства могли выходить такіе великіе религіозные мыслители, какъ А. С. Хомяковъ и П. Н. Неплюевъ, чѣмъ соглашался съ послѣднимъ въ его воззрѣнїяхъ и надеждахъ на просвѣтительное призваніе русскаго дворянина.

²⁾ См. напр. г. 4-й стр. 249—50 и др.

³⁾ «Опытъ дѣла любви», т. 3-ий, стр. 13.

равнодушнаго, холоднаго доставляло мнѣ тяжелое, иногда почти невыносимое страданіе; я чувствовалъ, какъ духъ мой коченѣеть, какъ овладѣваетъ имъ параличъ, мучительный какъ смерть. И природу я мало любилъ, и она казалась мнѣ равнодушною, холодною, и она леденила мнѣ сердце до тѣхъ поръ, пока я не понялъ ее, какъ отраженіе мысли и любви, пока не разобралъ на ней печать высшаго разума и высшей любви. Только проявленія любви утѣшали меня, оваряли душу мою тихимъ свѣтомъ, согрѣвали ее нѣжною ласкою, были чѣмъ то роднымъ, дающимъ смыслъ бытію. Въ отсутствіи любви я коченѣлъ, замиралъ, сердце наполнялось тоскою и ужасомъ, и жизнь становилась невыносимымъ, безцѣльнымъ страданіемъ. Это настолько вѣрно, такъ мало преувеличено, что еще въ раннемъ дѣтствѣ, слишкомъ часто соприкасаясь съ мучительнымъ для меня недоброжелательствомъ и равнодушіемъ, я изнывалъ отъ скуки и горячо желалъ смерти, молился о ней, инстинктивно боясь той жизни, въ которой постоянно приходилось соприкасаться съ тѣмъ, что наполняло душу скорбію и мукой. Только тогда я и жилъ, и чувствовалъ себя счастливымъ, когда во снѣ видѣлъ безконечно дорогія, неземныя существа, говорившія мнѣ любовь свою, когда наяву я чувствовалъ свѣтъ и тепло нѣжной любви матери и няни. Во все остальное время я страдалъ, чувствуя, какъ вливается въ мою душу холодъ равнодушія, грязь жестокости и озлобленія.

Эта постоянная жажда любви, эта неспособность удовлетворяться чѣмъ либо, кромѣ любви, это ежеминутное ощущеніе глубокаго разлада между самою природою души моей и явленіями земной жизни, были главною причиною инстинкта живой вѣры моего дѣтства. Всѣмъ существомъ своимъ я чувствовалъ, что, кромѣ этого земнаго міра, есть міръ иной, болѣе естественный, болѣе сродный природѣ души моей. Въ этотъ міръ я вѣрилъ безконечно больше, чѣмъ въ тотъ міръ, который я видѣлъ глазами, но который для души моей былъ

чьимъ-то чуждымъ, призрачнымъ, какъ тяжелый кошмаръ, съ которымъ помириться нельзя, отъ котораго надо проснуться. И я погрузился въ восторженную религіозность. Ежедневно утромъ и вечеромъ я подолго молился, доходя въ дѣтской молитвѣ моей до блаженства экстаза, когда я совершенно терялъ сознаніе земного бытія и всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ реальность причастія Высшей Любви. Каждый разъ передъ молитвою я читалъ евангеліе и чувствовалъ, какъ свѣтъ любви со страницъ святой книги тихимъ свѣтомъ озаряетъ умъ, нѣжною ласкою согрѣваетъ и утѣшаетъ сердце ¹⁾).

Въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій Николай Николаевичъ подробно говоритъ о тѣхъ высокихъ переживаніяхъ своего религіознаго чувства, которое позволяло ему чувствовать во снѣ свое общеніе „съ безконечно дорогими существами, болѣе близкими и родными, нежели люди“ ²⁾). Вообще, всѣ воспоминанія покойнаго рисуютъ его ребенкомъ исключительной чуткости, мистически настроеннымъ, и эти отличительныя черты его дѣтства неизмѣнно сопутствовали ему и до смерти. Мы увидимъ далѣе, что Николай Николаевичъ глубоко вѣрилъ въ реальность общенія съ міромъ невидимымъ и въ откровенія человѣку этого міра. Едва ли не каждое важное событіе своей жизни покойный связывалъ съ такимъ или инымъ вышеобычнымъ явленіемъ.

Такой исключительно мистической, религіозной настроенности вовсе не соответствовала та жизненная обстановка, въ какой пришлось расти Николаю Николаевичу. Его воспитатель, хотя казался человѣкомъ „церковно-вѣрующимъ“, однако очень неодобрительно смотрѣлъ на исключительную религіозность ребенка и всѣ усилія направлялъ къ тому, чтобы нѣсколько развлечь его, влущая мысль о необходимости знать мѣру и въ религіозности ³⁾). Съ особенной горечью покойный

¹⁾ Т. 3, стр. 12—14.

²⁾ Т. 5, стр. 461

³⁾ Т. 5, стр. 462.

вспоминалъ преподаваніе ему въ дѣтствѣ Закона Божія. Наряду съ учителями разныхъ предметовъ, преподавалъ Николаю Николаевичу „ученый богословъ“ и Законъ Божій. Казалось бы, что на урокахъ послѣдняго должна была особенно отдыхать душа религіознаго мальчика, но вышло наоборотъ. „Когда съ мертвенною сухостію и фанатичною жестокостію меня стали обучать грамматикѣ вѣры... предо мною развернулась такая страшная картина чудовищнаго приниженія религіознаго чувства, такого чудовищнаго и сплошнаго игнорированія любви Божіей и значенія любви въ экономіи жизни міра и для блага земной жизни человѣка, на меня пахнуло такимъ мертвящимъ духомъ мрачнаго аскетизма и мрачнаго человѣконенавистничества, что я съ ужасомъ отшатнулся отъ всего этого. Даже молиться я не могъ, самая идея о Богѣ была принижена, поругана и самое обращеніе къ *этому* Богу, къ *этому* жестокому и могучему божеству, стало казаться мнѣ чѣмъ то позорно корыстнымъ, кощунствомъ, измѣною любви. По прежнему, я, не только вѣрилъ и думалъ, но всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, переживалъ, какъ живую правду, что Богъ—Любовь, что въ одной любви правда, что она одна—абсолютная истина, вѣчная красота, правдивость, чистота и святость.¹⁾“.

Послѣ домашней подготовки Николай Николаевичъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по юридическому факультету. Со дня окончанія университета жизнь покойнаго пошла по дорогѣ, которая, казалось, далеко должна была удалить его отъ дѣтскихъ мечтаній. Онъ былъ прикомандированъ къ русскому посольству въ Мюнхенъ, и здѣсь предъ нимъ открывалась блестящая карьера, не имѣвшая, видимо, ничего общаго съ любовью къ Богу и людямъ. Такъ показалось, по крайней мѣрѣ, самому Николаю Николаевичу, когда онъ очутился въ мишурномъ блескѣ придворной жизни,

¹⁾ Т. 3 стр. 14.



и эта ея суета, полное игнорированіе вышнихъ духовныхъ запросовъ явилось прямымъ путемъ къ рѣшительной перемѣнѣ въ настроеніи Николая Николаевича. Вотъ какъ самъ онъ рассказываетъ о критическомъ мгновеніи своей жизни.

„Жилось мнѣ весело, что ни день, то праздникъ, но сердце манило назадъ, въ бѣдную Россію, въ сѣрые русскіе будни. Бывало, слою я въ роскошной залѣ, люстры блестятъ тысячью огнями, гремитъ веселая музыка, кругомъ меня кишитъ нарядная толпа... и мерещится мнѣ необозримая снѣжная равнина; маленькія, покосившіяся хижины чуть видны изъ за снѣжныхъ сугробовъ, тускло свѣтится въ крошечныхъ окошцахъ лучина... И стыдно мнѣ станетъ среди всѣхъ этихъ веселыхъ людей, которые во мнѣ не нуждаются, когда у меня на родинѣ такъ много страдаютъ, такъ много во мнѣ нуждаются“.

„Часто, вернувшись поздно ночью съ блестящаго бала, я чувствовалъ себя до крайности духовно утомленнымъ, ни для кого не нужнымъ и съ ужасомъ сознавалъ, что жизнь моя никакого разумнаго смысла не имѣетъ. Разъ, вернувшись съ приворнаго бала во дворецъ нынѣшняго регента Баварскаго, принца Луитпольда, я былъ болѣе духовно утомленъ, чѣмъ когда либо; мысль, что вся жизнь моя пройдетъ въ свѣтской суетѣ, среди изыскаго коварства и утонченнаго лицемерія, приводила меня въ отчаяніе. Въ эту ночь я увидѣлъ себя во снѣ въ крестьянской избѣ; въ окнѣ видѣлась церковь моего родного села; я былъ окруженъ крестьянскими дѣтьми, бесѣдовалъ съ ними и чувствовалъ въ душѣ такой миръ, такую радость, какихъ наяву я уже давно не испытывалъ. Особенно поразили меня, остались живою, дорогою памятью въ сердцѣ моемъ осмысленныя, одухотворенныя лица дѣтей и та духовная отрада, которую я переживалъ въ общеніи съ этими свѣтлыми мыслью и сердцемъ, любящими и братски любимыми мною существами. Этотъ сонъ повторился нѣсколько разъ и далъ толчокъ моимъ мыслямъ и желаніямъ въ новомъ направленіи. Я появля,

что отъ насъ, людей образованныхъ и состоятельныхъ, зависить многое въ святомъ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго преобразенія русскаго народа; понявъ, что грустное духовное состояніе нашего бѣднаго народа есть результатъ антихристіанскихъ отношеній къ нему нашихъ предковъ, изъ которыхъ большинство видѣло въ немъ только рабочую силу, слишкомъ долго забывая, что онъ долженъ быть для насъ любимымъ и уважаемымъ о Христвѣ братомъ; что, слѣдовательно, долгъ христіанской совѣсти повелѣваетъ намъ сдѣлать на пользу народа все, что можемъ. Въ душѣ все чаще, какъ угрызеніе совѣсти, возникала память о нищетѣ, грязи, безобразіи и, духовномъ мракѣ родной русской деревни“¹⁾).

Эта борьба настроеній продолжалась недолго: Николай Николаевичъ вышелъ въ отставку, поселился въ своемъ родномъ Ямполѣ и для начала своего служенія народу взялъ на воспитаніе 10 сиротъ дѣтей. Это—колыбель будущаго братства и вмѣстѣ съ тѣмъ начало того подвижническаго пути, какимъ вѣрно до самой послѣдней минуты шель покойный. На первыхъ же порахъ ему пришлось встрѣтить много препятствій въ дѣлѣ осуществленія своихъ плановъ и со стороны отца, и со стороны односельчанъ и даже дѣтей. Не меньше трудовъ и не меньшаго подвига потребовала и необходимость для самого Николая Николаевича личнаго перевоспитанія и созданія прежде всего для себя стройной системы христіанскаго міросозерцанія. Съ ятимъ именно періодомъ его жизни совпадаетъ изученіе Библіи, какъ глубочайшаго источника познанія Бога и Его отношеній къ міру. „На духовномъ перепутьи—передаетъ самъ покойный—я вспомнилъ, что есть книга, которую миліоны людей признаютъ за Божественное откровеніе, что эту книгу тысячи выдающихся умовъ считаютъ за „книгу книгъ“, „книгу жизни“... Со стыдомъ я долженъ былъ признаться,

1) Т. 4, стр. 17—18.

что, изучивъ многихъ философовъ, не имѣю ни малѣйшаго понятія о міровоззрѣніи, идеалѣ и этикѣ Библіи. И волею, въ то время, какъ плохое преподаваніе Закона Божія... оттолкнуло меня отъ религіи, затемнило для меня пониманіе ея жизненнаго значенія, изученіе философіи, воспитавъ во мнѣ уваженіе къ человѣческой личности, заставило устыдиться моего невѣжества въ вопросахъ вѣры и приступить къ добросовѣстному изученію слова Божія“¹⁾...

„Для души моей вся Библія была однородною зарею безконечно дорогого и родного живого свѣта, озарившаго собою весь міръ, когда *взошло солнце верховнаго завѣта христіанскаго откровенія*. При свѣтѣ этого верховнаго закона, заключающаго въ себѣ животворящій духъ вѣры и правды бытія, все вѣроученіе оживилось духомъ жизни, и то, что раньше было для меня безформенной грудой мертвыхъ костей, пылью буквы мертвящей, облеклось плотью и кровью, преобразилось разумнымъ и благимъ духомъ жизни, въ правду единаго *Живого организма Церкви Божіей*, царства Божія. имѣя въ основѣ своей такое опредѣленное міровоззрѣніе, такою высокою идеалъ и такую разумную этику, что *умъ и сердце мое были вполнѣ убѣждены, вполнѣ удовлетворены*, и я сталъ сознательно вѣрующимъ, сознательно любящимъ всѣмъ сердцемъ, всѣмъ разумніемъ и всею крѣпостию свободнаго изволенія моего“²⁾.

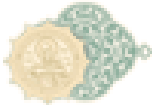
Памятникомъ этого изученія Библіи Николаемъ Николаевичемъ осталось его конспективное обзорѣніе содержанія всѣхъ библейскихъ книгъ, которое помѣщено во второмъ томѣ сочиненій покойнаго и ясно говоритъ о глубинѣ его благоговѣнія къ слову Божію и разумнаго пониманія этого Слова.

Мы сказали, что на первыхъ же порахъ своей дѣятельности Николаю Николаевичу пришлось встрѣтить много пре-

¹⁾ Т. 4, стр. 18—19.

²⁾ Т. 5, стр. 464.

пятствій. Но ни непониманіе и несочувствіе отца, ни неприязности со стороны управляющаго, ни недовѣріе односельчанъ, ни, наконецъ, самыя трудности дѣла воспитанія не побѣдили рѣшительности Николая Николаевича. 4 августа 1881 года былъ открытъ маленькій пріютъ на 10 сиротъ, а въ 1885 г. этотъ пріютъ былъ уже преобразованъ въ низшую сельско-хозяйственную 1 разряда школу, основанную въ хуторѣ „Воздвиженскъ“. Какъ въ пріютѣ, такъ и въ школѣ создалась особая система воспитанія, которая всецѣло утверждалась на горячей любви воспитателя къ дѣтямъ и на отвѣтной любви послѣднихъ. Предъ нами въ данную минуту воспоминанія одного изъ воспитанниковъ покойнаго; они еще не сдѣлались достояніемъ печати и мы не считаемъ себя вправѣ передавать ихъ, но не можемъ не сказать, что отъ нихъ дышетъ такую же теплою, сердечною, благодарною памятью объ усопшемъ воспитателѣ, какою любовію дышатъ и рѣчи послѣдняго въ отношеніи своихъ воспитанниковъ. Онъ жилъ ихъ интересами, сливалъ свою радость съ ихъ радостію, плакалъ вмѣстѣ съ дѣтьми, вмѣстѣ съ ними молился. Въ школѣ Николая Николаевича создалась особая атмосфера любви и своеобразная система образованія. Наряду съ сообщеніемъ знаній, Николай Николаевичъ много заботился и о развитіи эстетическаго вкуса въ ученикахъ, а всего болѣе о томъ, чтобы отзывчивыя дѣтскія души почувствовали любовь и познали Бога-Любовь. Религіозно-нравственное воспитаніе—это было первое, на что обращалъ вниманіе покойный. Мы еще будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ о постановкѣ воспитательнаго дѣла въ школахъ Николая Николаевича. Здѣсь же замѣтимъ, что школьное дѣло и укладъ школьной жизни не явились сразу чѣмъ то построеннымъ по опредѣленному плану, но выросли постепенно и не безъ тяжелой борьбы для самого Николая Николаевича. Ему пришлось приложить много усилій къ тому, чтобы въ школѣ восторжествовали тѣ начала, какія онъ хо-



тѣль насадить. Такъ, учителя, сочувствуя общему гуманному начинанію въ дѣлѣ воспитанія дѣтей народа, не мирились съ преобладаніемъ исключительной религіозности въ этомъ дѣлѣ, какъ того настойчиво домогался Николай Николаевичъ, и послѣдній только тогда почувствовалъ себя удовлетвореннымъ, когда всѣ должности учителей заняли сами же питомцы школы, проникнутые идеями своего воспитателя. Равнымъ образомъ и въ дѣтихъ Николаю Николаевичу пришлось встрѣтиться со многимъ такимъ, чего онъ не допускалъ при существованіи взаимной любви его и учениковъ. Объ этомъ рассказываетъ самъ покойный. „Мнѣ пришлось на дѣлѣ убѣдиться, что на землѣ не рождаются ангелы... Въ началѣ я наивно воображалъ, что всякій ребенокъ, какъ растеніе къ солнцу, потянется къ добру, какъ только будетъ открытъ къ нему доступъ, и съ вдохновенною радостію отвѣтитъ любовью на любовь... Вскорѣ мнѣ пришлось убѣдиться, что понимать добро и имѣть возможность стать на сторону добра не то же, что полюбить добро. Дѣти любили меня, но большинство изъ нихъ любило меня только на степени довольства человѣкомъ, который поставилъ ихъ въ сравнительно лучшія матеріальныя условія и выражаетъ добрыя чувства къ нимъ; любви этой далеко не хватало на то, чтобы пробудить въ нихъ добрую волю и самодѣятельность въ указанномъ мною направленіи. Что касается до любви къ Богу,—они долго не могли усвоить себѣ это совершенно новое для нихъ понятіе. Грубая гордость въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, убѣжденный въ своей правотѣ грубый эгоизмъ, грубое неуваженіе къ человѣческой личности, образу и подобію Божію, въ себѣ и въ другихъ, сонливая апатія духа, самодовольное равнодушіе къ всему возвышенному доброму и прекрасному, благодушная уживчивость, а иногда и восторженное отношеніе къ грубому, пошлому и безобразному, грубое суевѣріе на мѣсто вѣры живой, полное неумѣніе владѣть собою, крайняя неряшливость и нечистоплотность, гру-

бая требовательность по отношенію къ ближнимъ и совершенное непониманіе своихъ обязанностей по отношенію къ нимъ—вотъ грустная картина великихъ немощей, присущихъ въ большей или меньшей степени огромному большинству дѣтей того православнаго простонародія, которое народники стараются представить идеаломъ всякихъ христіанскихъ добродѣтелей и предлагаютъ въ учителя для интеллигенціи на мѣсто Христа.

Всѣ воспитательныя мѣры и были направлены мною къ тому, чтобы помочь пробуждающимся, вмѣстѣ съ вѣрою живою, доброй волѣ и совѣсти въ трудной борьбѣ съ этимъ сонмомъ антихристіанскихъ и антисоціальныхъ привычекъ, вкоренившихся, какъ грѣхъ, унаслѣдованный отъ долгаго ряда вѣковъ антихристіанскаго строя жизни.

Чѣмъ больше я на моихъ воспитанникахъ познавала язвы души народной, тѣмъ больше со жгучимъ стыдомъ сознавала и грѣхъ отцовъ нашихъ, оставлявшихъ меньшую братію свою въ этомъ позорномъ для христіанскаго общества положеніи, тѣмъ очевиднѣе становились для меня мои обязанности христіанина, богатаго и образованнаго, тѣмъ болѣе возбуждалась во мнѣ жалость къ поруганному образу и подобію Божію и горячее желаніе послужить на дѣло востановленія христіанской гармоніи въ этихъ вѣчныхъ душахъ, созданныхъ для вѣчнаго блаженства въ братствѣ ангеловъ и святыхъ Царства Небеснаго.

И вѣра, двигающая горами, совершила чудеса: сдвинулись горы предразсудковъ и дурныхъ привычекъ, при слабой помощи моей и добрыхъ изъ числа товарищей, отворились ржавые запоры ума и сердца, отверзлась душа, и сотворилъ Богъ въ немощи силу. Вся эта тьма души разсѣялась какъ легкій туманъ, гонимый лучами свѣта отъ Свѣта Небеснаго. Не разомъ совершилось это во многихъ душахъ; въ разное время отверзались души для Господа и не всѣ отверзались, но съ каждымъ годомъ увеличивалось число созна-

тельныхъ друзей Божіихъ и соработниковъ моихъ на общее дѣло¹⁾). Нужно замѣтить, что предоставивши учителямъ учебную часть всёму воспитательнымъ дѣломъ завѣдывалъ лично Николай Николаевичъ. Этому дѣлу онъ отдавалъ вообще все свое время и уже обязательно каждый вечеръ приходилъ въ школу, всѣ дѣти собирались въ тѣсный кружокъ и совместно подводили итоги нравственной жизни школы за протекшій день. Бывали собранія еще суббота, когда подводились итоги школьной жизни за недѣлю; болѣе торжественный характеръ имѣли собранія въ концѣ каждаго мѣсяца, и наконецъ, 4 августа происходило нѣчто подобное публичному акту въ присутствіи родныхъ воспитанниковъ и всѣхъ желающихъ. Чѣмъ больше развивалось школьное дѣло, тѣмъ труднѣе становилось вести все воспитаніе одному Николаю Николаевичу и логикою самаго дѣла онъ приведенъ былъ къ необходимости искать помощниковъ себѣ въ средѣ самихъ же воспитанниковъ — характерная черта Воздвиженской школы. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ покойный.

„Положеніе мое было очень трудное; хотя я и замѣчалъ постепенный ростъ духовнаго настроенія въ воспитанникахъ, все же я не могъ не сознавать, что не достаетъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія той стройной организаціи, которая, охватывая собою всю жизнь школы, ограждала бы воспитанниковъ отъ вредныхъ постороннихъ вліяній.

Нѣкоторые изъ старшихъ были дѣйствительно очень близки ко мнѣ и искренно принимали мое руководство; на младшихъ я имѣлъ гораздо меньше вліянія и между ними были дѣти, трудныя въ воспитательномъ отношеніи, настроеніе и поведеніе которыхъ доставляло мнѣ много горя и заботъ. Къ этимъ близкимъ ко мнѣ искреннимъ друзьямъ моимъ изъ старшихъ воспитанниковъ я и обратился за помощью въ этихъ обстоятельствахъ, предложилъ имъ чаще

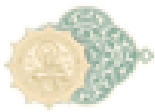
¹⁾ Т. 4, стр. 249—254.

другихъ собирався ко мнѣ въ свободное время на молитвы и бесѣды и стараться помогать мнѣ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія товарищей. Часто мы вмѣстѣ читали слово Божіе.

Однажды читая Евангеліе съ этими избранными воспитанниками, мы дошли до словъ XVIII гл. Ев. отъ Маттея: „Аще кто приѣмлетъ единаго отъ малыхъ сихъ во имя Мое, тотъ Мене приѣмлетъ“. Я объяснилъ имъ, что и эти слова, какъ и каждое слово, ишедшее изъ устъ Божіихъ, имѣютъ вѣчный смыслъ и обще-обязательное значеніе для всѣхъ вѣковъ и для всего человѣчества; что заповѣдь эту наравнѣ съ богатыми и сильными можетъ выполнить и каждый изъ нихъ, не имѣя копѣйки въ карманѣ, что если кто изъ нихъ, видя дурное настроеніе товарища, искренно о немъ пожалѣетъ и сдѣлаетъ, что отъ него зависитъ, чтобы помочь ему понять и полюбить волю Божію, съ братскою любовью уговорить его вырвать порочныя наклонности изъ сердца и открыть его Богу—тотъ привелъ его къ подножію креста, помогъ ему приготовиться принять на себя крестъ и идти за Христомъ, —словомъ, принялъ его во имя Христа, чтобы привести его ко Христу.

Черезъ нѣкоторое время я сталъ замѣчать большую перемену къ лучшему въ отношеніяхъ между воспитанниками, въ общемъ духѣ школы и, особенно, въ настроеніи и поведеніи тѣхъ трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи младшихъ дѣтей, на которыхъ до того я имѣлъ наименѣе вліянія. Оказалось, что избранные воспитанники, выслушавъ мое объясненіе Евангельскихъ словъ, захотѣли исполнить заповѣдь Христа Спасителя и, разобравъ худшихъ по поведенію товарищей, стали заботиться объ ихъ исправленіи.

Эта радостная вѣсть и очевидный успѣхъ добраго начала побудили меня вспомнить и другія слова Христа Спасителя, записанныя въ той же Евангельской главѣ: „Нѣтъ воли Отца вашего Небеснаго, чтобы погибъ хотя бы одинъ изъ малыхъ сихъ“, побудили меня предложить моимъ друзьямъ



стройно организовать это дѣло. Планъ организаціи мы нашли готовымъ въ той же XVIII гл. Ев. отъ Матѳея. Такъ образовался старшій Братскій кружокъ, члены котораго распредѣлили между собою заботы о всѣхъ прочихъ товарищахъ и дали обѣтъ братскихъ отношеній другъ къ другу и взаимной братской поддержки, какъ въ дѣлѣ нравственнаго воедѣйствія на товарищей, такъ и въ дѣлѣ собственнаго подготовленія къ честной христіанской жизни“ 1) *).

В. Экземлярскій.

1) Т. 4, стр. 260—1.

*) Продолженіе слѣдуетъ.